

Лит. газ. 1983, 31 авг., № 35

Уильям
САРОЯН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Как я чуть не познакомился с Джеймсом Джойсом

Я не был знаком с Джеймсом Джойсом, но однажды мы чуть было не встретились, и мне захотелось рассказать об этом моим двоюродным братьям.

Речь шла, конечно, о Джеймсе Джойсе, но по тому, как мои братцы переглянулись, я понял, что они сейчас скажут: «Это что, шофер компании «Снейки Тракс»? У «Снейки» есть шофер по имени Джим Джойс...»

— Это было в начале лета рокового 1939 года, — говорю я. Мои смекалистые братцы делают удивленные глаза и, види-

мо, придумывают, как бы им улизнуть, пока не началось это длинное нравоучительное повествование. — Каждый из нас знал, — продолжаю я, — что эту гибельную, разрушительную войну уже не предотвратить и что «вестники смерти» уже оседлали своих коней и повернули их в сторону Парижа. Вот мне и захотелось напоследок еще раз взглянуть на этот знаменитый город, а затем уж назад, в Нью-Йорк, назад, в Сан-Франциско, где меня должны были мобилизовать и, может быть, бросить под копыта этих взбесившихся коней.

— Кто тебе больше всего понравился в седьмом заезде в Бей Медоуз, коли уж речь зашла о лошадях? — спросил Хачик.

— Сказать по правде, — продолжал я, пропустив мимо ушей это замечание и ограничившись лишь укоризненным взглядом в сторону Хачика, — в душе мне было очень жаль людей. Всякий раз, когда я встречал кого-нибудь, кому, на мой взгляд, предстояло прожить еще по меньшей мере лет двадцать, я переживал за него, как за самого себя, ибо знал, что каждый десятый падет жертвой грядущей

катастрофы, трое из десяти останутся изувеченными, а все вместе они получат в наследство хаос этого мира, голод, разрушенные жилища, потерю близких, финансовое банкротство, зубную боль, отвращение к правительству, недовольство политической Соединенных Штатов и не слишком нежное отношение к папе римскому, который жил себе поживал в своем Ватикане и имел отличное трех-, а если надо, и четырехразовое питание.

Однажды днем в субботу я бродил по парижским улицам и разглядывал великолепные здания, которые вскоре после этого были покинуты законным французским правительством, вынужденным скрыться или эмигрировать по милости главного чудища западного мира, кого презрительно называли «ефрейтор Шикльгрубер» и чей псевдоним «Гитлер» вызывал всеобщую ненависть и страх. Освальд Шпенглер был прав, предсказывая в своей знаменитой книге*, что этот слабоумный человек, который двинулся, как заводной оловянный солдатик, и тем не менее сумел за-

* Имеется в виду книга «Закат Европы».

ставить весь немецкий народ приветствовать каждое свое появление истерическими криками, окажется виновником заката Запада.

— Прекрасно, прекрасно, Вилли, — сказал мне мой брат Хачик, — клянусь богом, никто не умеет так интересно рассказывать, как ты.

— Вдруг, — продолжал я, — я очутился перед книжным магазином «Шекспир и компания», и мне стало любопытно, кто додумался дать магазинчику на улице Одеон на левом берегу Сены такое название.

Девушка-продащица немедленно набрала номер Джеймса Джойса и передала мне трубку.

Я сказал:

— Мистер Джойс, я нахожусь в городе и очень хотел бы зайти к вам.

Джойс ответил:

— Хорошо, как насчет среды, часа в четыре?

Я сказал:

— Прекрасно, сэр, — хотя собирался сказать: «Я сегодня улетаю», — но подумал, что и так, сам того не желая, достаточно его беспокоил.

Вот как это было.

Вечером того же дня я улетаю в Лондон, так и не познакомившись с Джеймсом Джойсом.

А через несколько дней в Дублине я встретился с Фрэнком О'Коннором, Шоном О'Фаолейном, Нилом Монтомгери и Брайеном О'Ноланом*.

— Да, — вздохнул Гурген. — А с кем еще ты чуть не познакомился?

* Ирландские писатели.

На пути в энциклопедию

Я брожу по улицам Фресно в состоянии какого-то полупропадного забытья и предлагаю прохожим «Ивнинг геральд»; уже почти месяц я ежедневно продаю газеты, хотя у меня еще нет права стоять на своем углу, права, получение которого зависит от количества газет, проданных за день в любом другом месте; и вот я стою перед витриной магазина спортивных товаров Хоумана, любуюсь красной, золотистой и черной нашивкой, в которой искусно замаскированы крючки, чтобы обмануть рыбу, и мечтаю о рыбалке где-нибудь на берегу реки: как я вытаскиваю роскошную рыбку, словно это дар неба, а то и самих муз. И вдруг я вспоминаю, что мне надо продать еще десять газет, чтобы заработать свои двадцать пять центов и хоть чуточку приблизить тот момент, когда я получу, наконец, угол; итак, с мечтами покончено, и я снова начинаю приставать к прохожим:

— Газету, мистер? Газету, леди?

Но почти никто из женщин не ходит тогда по улицам Фресно без провожато-го... В конце концов я перестал предлагать газету женщинам, во всяком случае перестал уговаривать их купить ее. Газеты продают мужчинам, а не женщинам. Уговаривают мужчин. Женщиными любуются. Их почитают, любят.

Спрашиваешь мужчину, не купит ли он газету. Если он колеблется, сообщаясь ему самую сенсационную новость дня, а это и значит «уговорить». Если из пятидесяти купит один, значит, торговля идет хорошо.

В тот далекий день — это было в 1916

году, почти два месяца спустя после того, как я распрощался с сиротским приютом Фреда Финча, вычеркнув его из памяти, словно я не провел там целых пять лет, вернулся домой во Фресно, в свою собственную семью, поменяв заведение, где царил порядок, на домашний очаг, где порядком и не пахло, и, хочешь не хочешь, начал становиться армянином и принимать действительность такой, какова она есть, стараясь брать от нее как можно больше, — я догнал на Вэн Несс авеню сухоощавого элегантно-го мужчину и обратился к нему:

— Газету, мистер?

Мужчина остановился, улыбнулся и сказал:

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

— Ты не Уильям? Уилли? Сароян?..

Разумеется, я был Уилли Сароян, но я был также и мечтателем, я был также и продавцом газет, безымянным, как все мальчишки, торгующие газетами, а продавец газет есть продавец газет, его никак не зовут, и быть названным по имени для меня означало, что ты либо знаменит, либо что-то натворил. Откуда кому-то знать мое имя, если он не мой родственник или не работает в школе Эмерсона? Может быть, этот человек — полицейский, а как всякий начинающий продавец газет, я боялся полицейских, прежде всего потому, что это вроде бы против закона, если мальчик, которому еще нет десяти, продает газеты; и действительно большинство мальчиков были старше, обычно лет двенадцати-тринадцати, позже они переставали этим заниматься, за исключением тех, кто выглядел моложе своих лет. А еще я потому боялся полицейских, что у них была власть, и я видел, как они ею пользуются, когда имеют дело с индейцами или пьяницами.

Ну хорошо, если это полицейский, то что я сделал плохого? Он что, следил за мной? Разве закон запрещает стоять перед витриной Хоумана, рассматривать наживку и мечтать, как ты вытащишь лосося из реки Сан-Хоакин в Мендоте?

Но честность всегда была безусловным рефлексом моей натуры, и на все, что со

мною происходило, я реагировал молниеносно, поэтому я сказал:

— Да, сэр.

— Я так и подумал, — ответил мужчина. — Я не раз видел тебя там, в сиротском приюте. Не помнишь меня? Эдгар Эллис, заведующий прачечной. Когда вы, ребята, устраивали спектакли и вход был только по значкам, ты приходил в прачечную и просил у меня значки, и я доставал корзинку, куда мы складывали значки, пуговицы, а иногда и монетки, которые вываливались у кого-нибудь из кармана, и давал тебе. Ну как жизнь во Фресно?

Я не знал, что ответить этому человеку, но я чувствовал себя знаменитым, раз меня запомнили. Лично я его совершенно не помнил. Что же касается жизни во Фресно, я даже не знал, с чего начать.

Но быстрота реакции есть быстрота реакции, и я выпалил:

— Прекрасно, благодарю вас.

Он спросил:

— А меня ты помнишь?

И я мгновенно сообразил, что лучше солгать, чем быть невежливым, и сказал:

— Ну конечно, мистер Эллис.

Вот тогда-то и начался мой путь в энциклопедию.

Перевела с английского
М. ИЗМАЙЛОВА

143